

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОМЕОТЕЛЕВТА (на материале французской поэзии XX века)

*Работа представлена кафедрой французского языка
Смоленского государственного университета.*

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Э. М. Береговская

Гомеотелевт является видом синтаксического повтора, в котором фигурирует только формант (суффикс, окончание). Проявляется гомеотелевт в цепочке однородных членов. Лишенный конкретного содержания, гомеотелевт лишь дополняет сообщение, затрагивая коннотативные значения слов. Главная функция гомеотелевта заключается в его способности со-противопоставлять ключевые слова и раскрывать в них неожиданное, вне контекста невозможное, новое семантическое содержание.

Ключевые слова: *гомеотелевт, семантика, разноуровневая фигура, фонологическая, морфологическая и синтаксическая организованность, семантическое поле, ритмическая упорядоченность.*

N. Tolstous

SEMANTIC CHARACTERISTICS OF HOMEOTELEUTON (based on French poetry of the 20th century)

Homeoteleuton is a kind of syntactic repetition with a functioning formant (suffix or ending). It reveals itself in a chain of homogeneous members in a sentence. Being devoid of lexical meaning, homeoteleuton only adds to the connotative meaning of the word. The function of homeoteleuton is to compare and oppose the key words expressing the unexpected semantic meaning, which is considered to be impossible without any context.

Key words: *homeoteleuton, semantics, many-level figure, phonological, morphological and syntactic structure, semantic field, rhythmic arrangement.*

С точки зрения теории информации все формы языка, т. е. звуки, морфемы, слова, словосочетания, предложения, стилистические приемы следует рассматривать как некие символы языкового кода, расшифровка которого ведет к наиболее полному пониманию содержания сообщения [1, с. 141–142; 6, с. 20; 13, с. 33 и др.]. Информацию, заложенную в тексте сообщения, надо понимать в двух планах – информация смысловая и несмысловая

(дополнительная), связанная с чувственным восприятием, затрагивающая коннотативное значение единиц языка [1, с. 158–159; 2, с. 12, 186; 7, с. 27–28; 10, с. 8; 13, с. 19 и др.].

Существенно дополняют сообщение стилистические приемы, которые довольно трудно поддаются декодированию, причем декодирование может быть проведено неоднозначно и зависит от ранее накопленного опыта (тезауруса) [6, с. 47; 14, с. 26; 16, с. 117]. Чтобы извлечь

информацию, заключенную в стилистическом приеме, необходимо знать его природу.

Исследуемый нами гомеотелевт в свете современных лингвистических представлений – это синтаксическая фигура, являющаяся одним из видов повтора и представляющая собой эстетически мотивированный ряд однородных членов предложения, т.е. набор слов одной грамматической категории с одинаковыми окончаниями и/или суффиксами. Например:

Mais l'aigle était bien là,
Criant, battant des ailes
Cherchant sans fin sa proie.
Et réclamant le ciel.
(M. Carême)

Как показал анализ дефиниций* и собранного фактического материала,** гомеотелевт представляет собой разноуровневую фигуру, обусловленную прежде всего морфологически (повтор морфем) и синтаксически (однородность компонентов). Но следует отметить, что сонорный момент не менее существенен: повтор аффиксов должен быть заметен на слух***. Как минимум три из четырех уровней языка коррелируют в этой фигуре, следовательно, информацию, заложенную в гомеотелевте, необходимо рассматривать с трех позиций:

- на уровне фонемы;
- на уровне морфемы;
- на уровне предложения (синтаксический уровень).

Рассмотрим сначала звуковую информацию, которую несет в себе исследуемая стилистическая фигура. Гомеотелевт представляет собой повтор аффиксов с одинаковым не только буквенным, но и звуковым составом****, что приводит к концентрации в тексте гласных и/или согласных звуков, звукосочетаний, к сближению слов со сходным звуковым составом. По способу образования и по функционированию в тексте гомеотелевт близок звуковым повторам и является одной из форм звуковой организации речи, особенно поэтической.

Известно, что «отдельные звуки языка могут, если они соответствующим образом организованы, заключать в себе какую-то дополнительную информацию» [6, с. 42]. О звуко-смысловой связи в художественном тексте

говорят Ю. М. Лотман [12, с. 71], Е. Д. Поливанов [15, с. 99–100], Б. В. Томашевский [18, с. 94], Ж. Гардес [20, с. 56], М. Крессо [21, с. 19–21] и др.

Основной выразительной функцией звуков являются те ассоциации, которые мы непосредственно связываем с самими фонемами. Простейшим случаем звуковых ассоциаций является звукоподражание. Оно легко декодируется в связи с имитацией естественных звуков в природе. Как показал анализ собранного материала, единичны случаи, когда гомеотелевт выполняет ономастическую функцию. Примером может служить стихотворение Анри Мишо “Je vous йcрис d’un pays lointain”, где автор, используя гомеотелевт в сочетании с редупликацией, описывает облака, их изменения перед грозой. Облака плывут по небу, разрастаются, заполняя собой все пространство, становятся темными и вот-вот прольются дождем:

Mais, à condition d’occuper des longueurs et des longueurs, des largeurs et des largeurs, des profondeurs aussi et des profondeurs et de faire les enflés, ils arrivent à la longue à laisser tomber quelques gouttelettes d’eau, oui, d’eau <...>

Картина становится более яркой благодаря наличию повтора звукового комплекса [œ:г], передающего раскаты грома.

В большинстве же случаев повтор звуков в гомеотелевте не носит имитационного характера, а служит для передачи эмоционально-смыслового содержания (настроения лирического героя). Декодирование этой информации основано на более глубоком проникновении в смысловое содержание высказывания. Например, в известном стихотворении Жака Превера «Chanson», посвященном любви, повтор флексии приводит к концентрации в тексте гласного носового звука [õ]. Повтор звука и размеренный ритм придают стихотворению некоторую певучесть, делают его похожим на песню, льющуюся из сердца влюбленного:

Nous nous aimons et nous vivons
Nous vivons et nous nous aimons
Et nous ne savons pas ce que c’est que la vie
Et nous ne savons pas ce que c’est que le jour
Et nous ne savons pas ce que c’est que l’amour.

И такое толкование стихотворения оправдано не только настроением лирического героя, но и смыслом этого стихотворения вообще, что отражено в его названии.

Следует отметить, что ассоциации, связывающие эмоции и объективные представления со звуками языка, довольно многочисленны и часто весьма субъективны.

Дополнительная семантизация, привносимая гомеотелевтом в текст, проявляется не только в том, что повтор отдельных звуков и их сочетаний передает какие-то эмоционально-смысловые оттенки. Значительную роль играет ритмическая организация, осуществляемая гомеотелевтом. Античные риторы считали эту фигуру ритмичной по своей природе.

Многие лингвисты отмечают, что момент ритмической упорядоченности играет информативную роль и увеличивает информацию [6, с. 137–138, 140; 10, с. 13, 10; 14, с. 58; 19 с. 94; 21, с. 29, 217 и др.]. За счет ритма автор выражает эмоции, размещая ударение на значащих словах [21, с. 29]. Звуковой ритм сопровождается семантическими ассоциациями, поэтому мы воспринимаем ритм то как «стремительный», то как «печальный», то как «взволнованный» и т. д., иногда ритм ассоциируется с бегом коня, походным маршем и другими звуками [14, с. 580].

Гомеотелевт способствует образованию логического ударения, при помощи которого то или иное слово интонационно выделяется из потока речи. Он участвует в создании ритмического рисунка высказывания. В качестве примера проанализируем интонационно-ритмическую организацию отрывка из стихотворения Жака Превера «Le contrfleuret» с участием гомеотелевта:

Allons allons	U / U —*****
Pressons	U /
Allons allons	U / U /
Voyons pressons <...>	U / U /

Чередование ударных и неударных слогов имитирует шаги марширующих людей. Графическое изображение ритма позволяет под-

черкнуть этот момент. Из содержания следует, что это шаги тех, кто проходит по этому миру вереницей, не задерживаясь, уступая место другим. Повтор гласного звука [x] усиливает ритмический эффект. Ритм в этом произведении существенно дополняет смысловую сторону высказывания, одновременно придавая ему нужное автору эмоциональное звучание.

Перейдем к анализу информации, которую сообщают или могут сообщить единицы морфологического уровня – аффиксы, служащие строительным материалом гомеотелевта*****.

В отличие от корневых морфем аффиксы не являются носителями лексического значения слова. Они прежде всего реализуют его грамматическое и словообразовательное значение. Однако служебные морфемы могут привносить в слово различные семантические и экспрессивно-эмоциональные оттенки [6, с. 64; 4, с. 56–57; 12, с. 81; 14, с. 50 и др.]. Повтор служебной морфемы влечет за собой повтор ее значений: грамматического, словообразовательного и элементов лексического. «Все типы значений, являясь включенными в речевое взаимодействие, создают повтор в смысловой стороне текста, способствуя его интеграции» [8, с. 55].

И. Р. Гальперин в своей работе «Информативность единиц языка» отмечает, что словообразовательные морфемы обладают большей степенью информативности, чем словоизменяющие в силу того, что их содержание значительно богаче их грамматического или словообразовательного значения [6, с. 65, 70]. О дополнительной информации словообразовательных аффиксов говорят также В. А. Маслова [14, с. 63–64], Е. Д. Поливанов [15, с. 110], А. Мартине [22, с. 135] и др. Словообразовательные аффиксы могут иметь оценочное значение, придавать словам сниженную, разговорную окраску, выполнять ироническую функцию и т. д. Приведем примеры гомеотелевтов, построенных на словообразовательных морфемах:

<...> Кротчайший Георгий,
 Тишайший Георгий,
 Горчайший Георгий – свеча моих бдений – Георгий,
 Кротчайший – с глазами оленя – Георгий!

Суффиксы превосходной степени прилагательных приведенного отрывка стихотворения Марины Цветаевой «Георгий» в сочетании с семантикой корневых морфем передают отношение лирического героя к святому Георгию Победоносцу. Их дополнительные смысловые оттенки – «восхищение», «одобрение». Гомеотелевт подчеркивает и усиливает эти значения.

Особенно насыщены дополнительной информацией авторские неологизмы (окказионализмы), например:

Toutes mes mains, pâles comme des mains de morte, mains chasseuses de diptères, décanteuses de poisons, ployeuses d'échines, serreuses de cous, broyeuses de crânes <...>

В процитированном выше стихотворении Ваэ Годеля «Où suis-je? Qui es-tu?» гомеотелевт реализует людическую функцию: два из его компонентов *ployeuses* и *serreuses* не закреплены общественной языковой практикой и придуманы самим автором. Они образованы по аналогии с другими компонентами путем присоединения суффикса *-euse*, реализующего значение «лицо и род его занятий». Сам процесс декодирования таких слов несколько замедляется ввиду высокой степени непредсказуемости словообразовательной морфемы *-euse*, присоединенной к основе, которая не сочетается с данным суффиксом, делая текст более экспрессивным. Для того чтобы правильно расшифровать информацию, которую дают такие неожиданные сочетания, нужно не только извлечь из памяти значение основы, но и мгновенно переосмыслить это значение в связи со значением аффикса: *ployeuses* (от глагола *ployer* – «гнуть, сгибать») – «те, кто гнут, сгибают», *serreuses* (от глагола *serrer* – «сжимать; сдавливать») – «те, кто сжимают, сдавливают». Приведенный пример гомеотелевта интересен еще и тем, что на него наслаиваются метафора и персонификация.

Словоизменяемые морфемы, несмотря на свою неспособность изменять лексическое значение слова, все же участвуют в создании смысла текста, например:

Оконною ватой, набившейся в уши,
И той, заоконной:
Снегами – годами – пудами бездушья
Удар – заглушенный <...>

(М. Цветаева)

Описание душевного состояния лирического героя в стихотворении отличается образностью, созданной на основе метафорического переноса значения. Характер создания образности повторяется и выражается в цепочке гомеотелевта повтором флексии творительного сравнения.

Отметим также, что воспроизведение служебной морфемы в микроконтексте придает тексту некую ритмизованность, создавая при этом ритм и в графике.

Роль повтора аффикса в тексте становится заметнее благодаря чисто синтаксическим моментам. К таким относятся синтаксическая однородность рядов словоформ и синтаксический параллелизм.

С позиций теории информации синтаксис не менее информативен, чем другие аспекты языка [2, с. 298; 3, с. 5; 5, с. 367; 6, с. 103–104, 111, 121; 10, с. 4; 17, с. 5; 21, с. 200 и др.]. И расположение элементов предложения (основной синтаксической единицы), и соединение отдельных предложений оказываются носителями некоей дополнительной информации в художественном тексте.

Гомеотелевт, для которого однородность компонентов – одно из обязательных условий построения и который часто принимает участие в создании параллельных конструкций, является средством синтаксической и, как следствие, смысловой организации высказывания в языке художественной литературы. Повтор одинаково оканчивающихся слов одной грамматической категории в одинаковых синтаксических позициях привлекает внимание. «А поскольку все заметное в художественном тексте неизбежно воспринимается как осмысленное, несущее определенную семантическую нагрузку, то и выделенные элементы текста с неизбежностью семантизируются» [13, с. 195].

Как показал анализ собранного материала, при помощи однородных компонентов гомеотелевта рисуются детали общей картины, показывается динамика действий, образуются ряды эпитетов, обладающих большой экспрессивностью и живописностью, позволяющих создать целую гамму красок, звуков, запахов. Цепочка гомеотелевта может быть основой

возникновения иронического оттенка, эффекта обманутого ожидания. Приведем пример:

Le paysage châtré gommé effacé relégué
et rejeté dans l'ombre
Dans la grande ombre
L'ombre de capital
L'ombre de profit <...>

Однородные определения гомеотелевта из стихотворения Жака Превера «Le paysage changeur» весьма экспрессивны. Здесь множество эмоциональных, одинаково оканчивающихся эпитетов воссоздают зримые картины пейзажа. Экспрессию однородных членов подчеркивает метафора, образуя дополнительные смысловые оттенки и раскрывая отношение автора к описываемому явлению.

В анализируемых текстах перечисление нередко строится на фигуре синтаксического параллелизма. Компоненты гомеотелевта относительно подвижны и могут располагаться в пределах одного предложения, а могут входить в состав разных предложений, в том числе и параллельных конструкций. Повтор аффикса усиливает параллелизм и привносит дополнительную семантическую связь, например:

Je le trancherai, je le renverserai, je le romprai,
je le ferai dégringoler <...>

В приведенном выше отрывке из стихотворения Анри Мишо «Clown» описание душевного состояния лирического героя представлено отдельными фактами, объединенными параллельностью конструкций. Смысл жизни клоун видит в освобождении от своей «маски» (в тексте местоимение *le*) и обретении себя и, как следствие, свободы. Непреодолимое желание свободы – основная мысль отрывка – выражается глагольной цепочкой. Лирический герой характеризуется через свои поступки. Сближаются глаголы-сказуемые: слова занимают одинаковые позиции в предложениях, выполняют эквивалентные синтаксические функции, принадлежат одной и той же части речи. Параллелизм усиливается анафорой и гомеотелевтом. Метафоричность глагольной цепочки дополняет описание внутренней борьбы лирического героя.

Безусловно, адекватное декодирование информации, заключенной в синтаксической

структуре предложения или сложного синтаксического целого, невозможно без учета их лексического и морфологического наполнения, контекста высказывания [6, с. 110; 9, с. 22; 11, с. 148].

Как следует из процитированных примеров, и однородные члены, и синтаксический параллелизм порождают особую гармоничность звучания текста, осуществляют его ритмико-интонационную организацию.

В завершение отметим, что повтор в тексте есть прежде всего сопоставление единиц реализации этого повтора. Совпадения звуковых комплексов в гомеотелевте сопоставляют слова, которые вне данного текста не имели бы между собой ничего общего. Гомеотелевт сближает слова и их значения за счет сходных морфологических форм. В гомеотелевте слово оказывается соотношенным с другими словами, находящимися в эквивалентных синтаксических позициях. «К естественным семантическим связям, организующим язык, добавляется „сверхорганизация“, соединяющая не связанные между собой в языке слова в новые смысловые группы» [12, с. 71]. Однако, это сближение разноплановых понятий: у слов со сходными аффиксами корни различны. В результате складывается некоторое семантическое поле, включающее пересечение областей значений слов, объединенных гомеотелевтом. Ю. М. Лотман называет такие семантические поля «архисемами» [12, с. 83]. Это сопоставление порождает неожиданные смысловые эффекты, являющиеся той самой дополнительной информацией, которая не выражена на поверхности текста эксплицитно. Приведем пример:

En arrivant hier le chien m'a reconnu
moi qui n'étais pour lui que l'ami du maître
Il aboyait chantait g é missait riait – chien <...>

В отрывке из стихотворения Клода Руа «Achille» глаголы-сказуемые *aboyait* – *chantait* – *gémissait* – *riait* объединены гомеотелевтом в архисему «радость», которую испытывает собака при встрече со знакомым ей человеком.

Проведенное исследование позволяет считать установленным, что при анализе гомеотелевта уровень семантики не доминирует, но

является немаловажным аспектом в общем контексте разноуровневого исследования. Лишенный конкретного содержания, он лишь дополняет сообщение, затрагивая коннотативные значения слов. Дополнительная информация заложена:

- в структурных особенностях гомеотелевта: у слов со схожими аффиксами корни различны;

- в фонологической, морфологической и синтаксической организованности, привносимой гомеотелевтом в текст;

- в его способности стимулировать продуцирование новых окказионализмов;

- в ритмической организации, создаваемой гомеотелевтом;

- в его способности конвергировать с тропами и другими синтаксическими фигурами.

ПРИМЕЧАНИЯ

*Всего было проанализировано 28 современных определений гомеотелевта.

**Материалом нашего исследования является французская поэзия XX в. Изложенные в статье наблюдения опираются на анализ 650 примеров, обнаруженных в текстах французских авторов указанного периода. Привлечение текстов на русском языке (20% от всего корпуса примеров гомеотелевта) и на английском языке (5%) обусловлено желанием показать универсальность изучаемой фигуры.

***Так, например, случаи с непроносимой флексией мы в своих исследованиях не учитывали.

****Для построения и восприятия исследуемой фигуры достаточно того, чтобы совпадение финальной части слов-компонентов гомеотелевта было на уровне фонемы, а не на уровне аллофонов. Это особенно существенно для английских и русских примеров с участием гомеотелевта, в которых произношение фонемы зависит от ее позиции в слове.

*****В графической интерпретации ритмической организации строк данного стихотворения знак \cup обозначает неударный слог, знак \sphericalangle ударный слог.

*****Поскольку морфема реализуется через свои алломорфы, мы в своей работе учитывали и те случаи гомеотелевта, которые построены на алломорфах одной морфемы, хотя при этом несколько затушевывается графический буквенный повтор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 444 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Издательство иностранной литературы, 1961. 394 с.
3. Береговская Э. М. Очерки по экспрессивному синтаксису. М.: Рохос, 2004. 208 с.
4. Винокур Г. О. О языке художественной литературы: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1991. 448 с.
5. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
6. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая шк., 1974. 175 с.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
8. Измайлов В. С. Повтор как прием орнаментальной прозы: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГПУ, 1995. 287 с.
9. Каражаев Ю. Д. Прагматическая направленность синтаксической экспрессии // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. С. 18–23.
10. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
11. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1993. 224 с.
12. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.
13. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 383 с.
14. Маслова В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск: Вышэйшая школа, 1997. 159 с.

15. *Поливанов Е. Д.* Общий фонетический принцип всякой поэтической техники // Вопросы языкознания. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. № 1. С. 99–112.
16. *Портнова Н. И.* Фоностилистика французского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. М.: Высшая шк., 1986. 186 с.
17. *Сильман Т. И.* Проблемы синтаксической стилистики (на материале немец. прозы). Л.: Просвещение, 1967. 244 с.
18. *Томашевский Б. В.* Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1999. 334 с.
19. *Тынянов Ю. Н.* Проблема стихотворного языка. М.: Сов. писатель, 1965. 301 с.
20. *Gardes-Tamine J.* La stylistique. Paris: Armand Colin, 1992. 208 с.
21. *Cressot M.* Le style et ses techniques. Paris: Presses universitaires de France, 1959. 255 с.
22. *Martinet A.* Eléments de linguistique générale. Paris: Librairie Armand Colin, 1967. 217 с.